

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАЛИНИЧЕНКО против РОССИИ»

(Жалоба № 40834/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

9 июля 2019 года

*Данное постановление является окончательным. Постановление может
быть подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Калиниченко против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседаая Комитетом, в состав которого вошли:

Алина Полачкова, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Жильберто Феличи, *судьи*,

и Фатош Араджи, *заместитель Секретаря Секции*,

Рассмотрев дело за закрытыми дверями 18 июня 2019 года, вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 40834/11) против Российской Федерации, поданной в Суд 4 июля 2011 года на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином данного государства Алексеем Петровичем Калиниченко (далее – «заявитель»).

2. Интересы заявителя были представлены А. Саккуччи и Д. Борнья, адвокатами, практикующими в г. Риме, а также С. Печенкиной, адвокатом, практикующей в г. Екатеринбурге. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 3 ноября 2016 года жалобы, касающиеся справедливости содержания под стражей заявителя, продолжительности содержания под стражей, обязательной явки заявителя в суд после задержания, доступа к эффективной процедуре, посредством которой он мог оспорить законность своего содержания под стражей, а также соблюдения принципа презумпции невиновности, были коммуницированы Властям, а оставшаяся часть жалобы была объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 3 Правила 54 Регламента Суда.

4. Власти не возражали против рассмотрения жалобы Комитетом.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родился в 1979 году. В настоящее время он содержится под стражей в г. Екатеринбурге.

А. Производство по уголовному делу в отношении заявителя и его содержание под стражей с целью экстрадиции за границей

6. В июле 2006 года заявитель покинул Россию и поселился в Италии.

7. В сентябре 2006 года в отношении него было начато расследование по подозрению в совершении мошенничества в крупном размере, а именно в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 Уголовного кодекса (далее — «УК»).

8. 7 февраля 2007 года заявитель был включен в список лиц, объявленных в розыск.

9. 27 февраля 2007 года по требованию дознавателя по уголовному делу, возбужденному в отношении заявителя, Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга (далее - «Верх-Исетский районный суд») распорядился в его отсутствие о его содержании под стражей без указания срока действия данной меры.

10. 28 марта 2007 года Свердловский областной суд (далее - «областной суд») отклонил апелляционную жалобу, поданную адвокатом заявителя на решение от 27 февраля 2007 года.

11. Был выдан международный ордер на арест заявителя.

12. 4 июня 2008 года заявитель был задержан в Италии и заключен под стражу до 9 июня 2008 года в рамках процедуры экстрадиции, инициированной по запросу российских властей.

13. 10 июня 2008 года итальянские органы власти заменили содержание под стражей с целью экстрадиции заявителя на домашний арест.

14. 4 июля 2008 года заявитель был освобожден с обязательством не покидать страну. Тем не менее, он покинул Италию до окончания процедуры экстрадиции и уехал в Марокко.

15. 16 января 2010 года заявитель был задержан в Марокко и, впоследствии, по запросу российских органов власти о его экстрадиции заключен под стражу с целью экстрадиции.

16. 14 мая 2011 года в Касабланке заявитель был передан представителям российских органов власти и на самолете под конвоем перевезен в г. Москву.

В. Содержание под стражей заявителя в России и приговор

1. Период с 14 мая по 11 июля 2011 года

17. 14 мая 2011 года по прибытию в г. Москву заявитель был помещен под стражу в следственный изолятор.

18. 22 мая 2011 года он был переведен в другой следственный изолятор, расположенный в г. Екатеринбурге.

19. 24 мая 2011 года следователь уведомил заявителя об обвинительном заключении и в тот же день назначил проведение психиатрической экспертизы заявителя.

20. 26 июня 2011 года заявитель был доставлен в больницу для проведения назначенной экспертизы. Он оставался в больнице до 18 июля 2011 года.

21. Между тем, 16 июня 2011 года адвокат заявителя обратилась в Верх-Исетский районный суд с жалобой, оспаривая ряд мер, принятых дознавателем. В своей жалобе адвокат утверждал, помимо прочего, что содержание заявителя под стражей было незаконным.

22. Решением от 28 июня 2011 года Верх-Исетский районный суд отклонил вышеуказанную жалобу без рассмотрения ее по существу. Он счел, что содержание заявителя под стражей осуществлялось на основании решения Верх-Исетского районного суда от 27 февраля 2007 года и что жалоба адвоката не содержала фактов, которые позволили бы поставить под сомнение законность содержания заявителя под стражей.

23. 22 июля 2011 года областной суд отклонил апелляцию адвоката заявителя на решение от 28 июня 2011 года, подтвердив заключения суда первой инстанции.

2. Период с 12 июля по 13 октября 2011 года

а) Решение от 12 июля 2011 года и оставление его в силе по апелляции

24. Следственные органы обратились в областной суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей заявителя. Они обосновали это ходатайство степенью тяжести обвинений, выдвигаемых в отношении заявителя, несоблюдением последним мер пресечения, принятых в его отношении во время процедуры экстрадиции, а также тем обстоятельством, что дознавателю было необходимо выполнить дополнительные следственные действия, в том числе психиатрическую экспертизу заявителя.

25. 12 июля 2011 года областной суд, заседая в составе единоличного судьи, проведя заседание, на котором заявитель не присутствовал, удовлетворил вышеуказанное ходатайство. Соответствующие настоящему делу части его решения можно изложить следующим образом:

«Из представленных [суду] материалов дела следует, что [в соответствии с решением от] 24 мая 2011 года в отношении заявителя была проведена коллегиальная судебно-психиатрическая экспертиза в медицинской организации. С 27 июня 2011 года заявитель находится в учреждении, которое занимается проведением [судебно-медицинской] экспертизы. Его участие в процессе нежелательно.

В соответствии с частью 13 статьи 109 УПК считаю возможным рассмотреть ходатайство следственных органов о продлении срока содержания под стражей Калиниченко под стражу в его отсутствие.

Содержание под стражей Калиниченко на срок два месяца с момента его передачи российским властям заканчивается 14 июня 2011 года.

(...)

Общая продолжительность периодов, в течение которых Калиниченко находился под стражей [с целью экстрадиции] и под подпиской о невыезде до момента его передачи российским властям, составила один год, три месяца и двадцать восемь дней.

В соответствии с частью 11 статьи 109 УПК в случае, если после суммирования периодов содержания под стражей на территории иностранного государства, осуществляемого по запросу Российской Федерации о его выдаче, была достигнута максимальная продолжительность досудебного содержания соответствующего лица на время предварительного следствия, и при этом существует необходимость производства предварительного следствия, суд вправе продлить срок содержания под стражей этого лица на дополнительный срок не более шести месяцев в порядке, установленном общими процессуальными правилами.

Калиниченко долгое время содержался под стражей на территории иностранных государств на основании ходатайств об экстрадиции в Российскую Федерацию [направляемых в его отношении], поэтому к нему применима эта [правовая] норма.

(...)

В настоящее время причины, по которым к заявителю была применена мера пресечения в виде содержания под стражей, не изменились.

В этих обстоятельствах считаю, что ходатайство следственных органов должно быть удовлетворено и что содержания под стражей Калиниченко должно быть продлено на два месяца и два дня, [в результате чего оно составит] двадцать один месяц, то есть до 16 сентября 2011 года».

26. Заявитель через своего адвоката подал апелляционную жалобу на решение областного суда от 12 июля 2011 года. Он указал, помимо прочего, что с учетом сроков содержания под стражей в Италии и в Марокко в рамках процедуры экстрадиции общая продолжительность содержания заявителя под стражей на 12 июля 2011 года составила девятнадцать месяцев и один день, что превышало максимальную продолжительность досудебного содержания под стражей, равную двенадцати месяцам в соответствии с частью 2 статьи 109 УПК. Он также жаловался на то, что отсутствовал на заседании 12 июля 2011 года.

27. 27 сентября 2011 года областной суд подтвердил заключения суда первой инстанции и отклонил указанную апелляцию.

в) Решение от 15 сентября 2011 года и оставление его в силе по апелляции

28. Решением от 15 сентября 2011 года областной суд, заседав в составе единоличного судьи, продлил срок содержания под стражей заявителя на один месяц и двадцать восемь дней, то есть до 13 ноября 2011 года. Заявитель, интересы которого представляла адвокат по его выбору, присутствовал на заседании. Областной суд основывался по существу на основаниях, принятых ранее в его решении от 12 июля 2011 года, в частности, на степени тяжести обвинений, предъявляемых в отношении заявителя, и риску, что он может уклониться от судебного преследования по уголовному делу. Что касается продолжительности срока содержания под стражей, он снова сослался на часть 11 статьи 109 УПК.

29. 27 октября 2011 года областной суд подтвердил заключения суда первой инстанции и оставил это решение в силе по апелляции.

3. Период с 14 октября 2011 года по 13 июня 2012 года

30. Решением от 14 октября 2011 года областной суд, заседав в составе единоличного судьи, продлил срок содержания под стражей заявителя на семь месяцев и три дня, то есть до 16 июня 2012 года. Ссылаясь на части 7-8 статьи 109 УПК, он установил, что адвокат заявителя начала знакомиться с материалами дела 5 октября 2011 года и что на дату заседания она прочла только одиннадцать томов из семисот пятидесяти двух. Следовательно, областной суд счел, что срок содержания под стражей, установленный ранее, был недостаточным для того, чтобы его адвокат могла закончить ознакомление с материалами дела, и что необходимо было продлить содержание заявителя под стражей. Он счел, что заявитель располагал финансовыми средствами, чтобы постоянно проживать в Италии, что он не соблюдал обязательство не покидать страну, которое было возложено на него итальянскими органами власти на время рассмотрения ходатайства об экстрадиции в Россию, поданное в его отношении, и отметил, что он уехал в Марокко. Он счел, что эти обстоятельства могли обоснованно стать основой для предположения, что существовал риск того, что заявитель в случае освобождения мог уклониться от преследования по уголовному делу.

31. Заявитель подал апелляционную жалобу на решение от 14 октября 2011 года. Он утверждал, среди прочего, что областной суд не мог обосновать продление срока его содержания под стражей необходимостью закончить ознакомление с материалами уголовного дела с учетом того, что он отказался от этого права, отказавшись от указанного ознакомления, и что только его адвокат занималась ознакомлением с соответствующими материалами дела. Он также обжаловал продолжительность его содержания под стражей.

32. 17 ноября 2011 года областной суд, заседая в качестве апелляционной инстанции, оставил в силе решение суда первой инстанции и отклонил поданную апелляцию.

4. Период с 14 июня 2012 года по 13 мая 2013 года

а) Решение от 14 июня 2012 года и оставление его в силе по апелляции

33. 25 мая 2012 года уголовное дело в отношении заявителя было направлено в Ленинский районный суд г. Екатеринбурга (далее - «суд») для рассмотрения по существу.

34. Решением от 14 июня 2012 года суд продлил срок содержания под стражей заявителя на время рассмотрения судом уголовного дела в соответствии со статьей 255 УПК до 29 ноября 2012 года. Он обосновал свое решение степенью тяжести обвинений, предъявляемых заявителю, а также необходимостью избежать риска побега. Он счел, что этот риск действительно существовал, поскольку заявитель не проживал по адресу, который он указал в качестве домашнего, и поскольку он уехал за границу в ходе предварительного следствия по его уголовному делу.

35. 8 августа 2012 года областной суд оставил данное решение без изменений в апелляционном порядке.

б) Решение от 29 ноября 2012 года и оставление его в силе по апелляции

36. В ходе заседания 29 ноября 2012 года, проводимого по вопросу о необходимости оставления заявителя под стражей, суд установил, что заявитель не был доставлен на заседание «по техническим причинам». Адвокат, выбранный заявителем, также не присутствовал и был заменен на время этого заседания назначенным адвокатом. Суд назначил новое заседание на 4 декабря 2012 года и вынес распоряжение об оставлении заявителя под стражей до указанной даты. Он указал, что возраст и состояние здоровья заявителя позволяют ему находиться под стражей и что «не существует других исключительных обстоятельств», которые бы оправдывали замену этой меры на другую.

37. Заявитель обжаловал данное решение. Он обжаловал проведение заседания 29 ноября 2012 года в его отсутствие и в отсутствие адвоката по его выбору. Он указал, что замена адвоката по его выбору была бы возможна только в случае невозможности присутствия его адвоката в течение пяти дней подряд, что, по его словам, не соответствовало данному случаю.

38. 4 декабря 2012 года областной суд отменил решение суда от 29 ноября 2012 года на том основании, что в соответствии с частью 13 статьи 109 УПК рассмотрение вопроса о необходимости продления срока содержания под стражей лица в его отсутствие не допускается.

Следовательно, он вынес решение о том, чтобы суд вновь рассмотрел в другом составе необходимость продления срока содержания под стражей заявителя (см. по вопросу такого повторного рассмотрения пункт 42 ниже). Заявитель, интересы которого представляла адвокат, присутствовал на заседании в суде апелляционной инстанции.

с) Решение от 4 декабря 2012 года и оставление его в силе в порядке апелляции

39. 4 декабря 2012 год суд продлил срок содержания под стражей заявителя до 28 февраля 2013 года по тем же основаниям, какие были приняты при вынесении решения от 14 июня 2012 года (см. пункт 34 выше).

40. Заявитель подал апелляционную жалобу на решение от 4 декабря 2012 года. Он жаловался, среди прочего, что судья ошибочно пришел к выводу о том, что он мог уклониться от преследования по уголовному делу. В этой связи он указывал, что с мая 2011 года его заграничный паспорт был более недействительным, следовательно, он не мог уехать за границу.

41. 21 декабря 2012 года областной суд оставил данное решение без изменений в апелляционном порядке.

d) Решение от 13 февраля 2013 года

42. 13 февраля 2013 года суд повторно рассмотрел необходимость оставления заявителя под стражей с 29 ноября по 4 декабря 2012 года. Он счел, что такое оставление было необходимо, и сослался в этой связи на основания, принятые судом в его решении от 4 декабря 2012 года (пункт 39 выше).

43. Заявитель подал апелляционную жалобу на решение от 13 февраля 2013 года. Он жаловался, среди прочего, что закон не позволял повторно рассматривать необходимость оставления под стражей *ex post facto*. Он также оспаривал необходимость этой меры и указывал в этой связи, что он отказался давать показания в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, что он не мог оказывать давление на свидетелей, поскольку большая их часть уже являлись на заседание и дали показания, касающиеся обстоятельств дела, что он не мог также изменить вещественные доказательства, фигурирующие в материалах дела, и что все имущество, принадлежащее заявителю и членам его семьи, было опечатано на срок уголовного производства.

44. Материалы дела, находящиеся в распоряжении Суда, не содержат сведений о том, была ли рассмотрена эта апелляция.

d) Решение от 20 февраля 2012 года

45. 20 февраля 2013 год судья продлил срок содержания под стражей заявителя до 28 февраля 2013 года по тем же основаниям,

какие были приняты при вынесении решений от 14 июня и от 4 декабря 2012 года (см. пункты 34 и 39 выше).

46. Заявитель обжаловал данное решение. Он повторил, среди прочего, доводы, которые он привел в своей апелляционной жалобе на решение от 13 февраля 2013 года, касающиеся отсутствия необходимости продления ему срока содержания под стражей (см. пункт 43 выше).

47. Материалы дела, находящиеся в распоряжении Суда, не содержат сведений о том, была ли рассмотрена эта апелляция.

5. Осуждение заявителя

48. Решением от 13 мая 2013 года суд признал заявителя виновным в совершении мошенничества в крупном размере и приговорил его к наказанию в виде семи с половиной лет лишения свободы.

49. 21 октября 2013 года областной суд оставил это решение в силе по апелляции.

В. Заявления представителей Министерства внутренних дел Российской Федерации

50. Как во время следствия, так и во время рассмотрения судом уголовного дела в отношении заявителя пресс-служба Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Уральскому федеральному округу опубликовала официальные сообщения, в которых говорилось об обвинениях в отношении заявителя, а также о ходе следствия, в частности, 5, 6 августа и 12 октября 2009 года, 8 января 2010 года и 16 мая 2011 года. Во многих официальных сообщениях, в частности, в сообщении от 16 мая 2011 года заявителя называли «мошенником» и «преступником».

51. 25 июля 2012 года начальник управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Уральскому федеральному округу принял участие в пресс-конференции по уголовному делу в отношении заявителя, в ходе которой он охарактеризовал заявителя как «основателя финансовых пирамид».

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. Уголовный кодекс

52. В соответствии с частью 4 статьи 159 УК РФ мошенничество, совершенное в крупном размере, наказывается лишением свободы на

срок до десяти лет и представляет собой, согласно части 4 статьи 15 этого же кодекса, тяжкое преступление.

В. Уголовно-процессуальный кодекс

1. Виды содержания под стражей

53. Некоторые положения национального законодательства, касающиеся помещения и содержания под стражей лица, обвиняемого в совершении преступления, рассматриваются в постановлении от 20 сентября 2011 года «Федоренко против России» (*Fedorenko c. Russie*) (жалоба №39602/05, пункты 29-37) и постановлении Европейского Суда от 13 ноября 2012 года по делу «Пятков против России» (*Pyatkov c. Russie*) (жалоба №61767/08, пункты 48-67). В частности, УПК предусматривает три вида содержания под стражей: «на время следствия» (части 1-3 статьи 109 УПК), «на время ознакомления с материалами уголовного дела» (части 4-8 статьи 109 УПК) и «на время рассмотрения судом уголовного дела» (статья 255 УПК).

2. Максимальная продолжительность досудебного содержания под стражей на время предварительного следствия

54. В соответствии с частью 2 статьи 109 УПК лицо, обвиняемое в совершении тяжкого преступления (см. пункт 52 выше), может быть помещено под стражу на время проведения предварительного следствия по уголовному делу на срок, не превышающий двенадцати месяцев.

3. Принятие во внимание срока содержания под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве

55. В соответствии с пунктом 4 части 10 статьи 109 УПК сроки, в течение которых лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства в рамках процедуры его экстрадиции в Россию, учитываются при расчете общей продолжительности содержания под стражей в ходе предварительного следствия по смыслу частей 2 и 3 этой же статьи.

56. В соответствии с частью 11 статьи 109 УПК в случае, если после суммирования сроков содержания под стражей на территории иностранного государства в соответствии с пунктом 4 части 10 данной статьи оказывается, что был достигнут максимальный срок содержания под стражей на время предварительного следствия, то суд вправе продлить срок содержания под стражей на дополнительный срок не более шести месяцев.

4. Присутствие обвиняемого на заседании по вопросу о продлении срока содержания под стражей

57. В соответствии с частью 13 статьи 109 рассмотрение судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого в его отсутствие не допускается, за исключением случаев нахождения обвиняемого на стационарной судебно-психиатрической экспертизе и иных обстоятельств, исключающих возможность его доставления в суд, что должно быть подтверждено соответствующими документами. При этом участие защитника обвиняемого в судебном заседании является обязательным.

В. Внутригосударственная правоприменительная практика, касающаяся пункта 4 части 10 и части 11 статьи 109 УПК

58. 18 сентября 2013 года Верховный суд Российской Федерации, заседая в качестве надзорной инстанции, отменил решение от 18 апреля 2012 года, которым суд первой инстанции заочно вынес распоряжение об оставлении в силе меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении С., который в момент принятия оспариваемого решения содержался под стражей на территории иностранного государства. Он указал, среди прочего, что продолжительность содержания под стражей на время предварительного следствия по смыслу части 2 статьи 109 УПК должна рассчитываться с момента задержания подозреваемого или обвиняемого в совершении уголовного правонарушения и до направления уголовного дела в суд. Указав, что С. должен был оказаться под юрисдикцией Российской Федерации в момент пересечения им государственной границы, Верховный суд счел, что именно с этого момента следовало рассчитывать срок содержания под стражей заявителя на территории России.

59. Решением от 27 декабря 2016 года Новосибирский областной суд продлил срок содержания под стражей Р. на один месяц и тридцать дней, то есть до 28 февраля 2017 года, таким образом, общая продолжительность содержания под стражей составила тридцать шесть месяцев и три дня. До его передачи российским властям 21 августа 2015 года Р. уже провел семнадцать месяцев и двадцать пять дней под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве. Суд не указал, на основании какого положения УПК Р. содержался под стражей в период с 21 августа 2015 года по 27 ноября 2016 года. Установив, что максимальная продолжительность содержания Р. под стражей на время предварительного следствия, то есть восемнадцать месяцев, была превышена, для продления содержания указанного лица под стражей суд сослался на часть 11 статьи 109 УПК. Однако суд не

указал дату, с которой должен был начинаться отсчет шестимесячного срока, предусмотренного этим положением.

60. Решением от 6 июня 2013 года Ленинский районный суд г. Санкт-Петербурга продлил срок содержания под стражей Г. на два месяца, то есть до 8 августа 2013 года, в итоге общая продолжительность содержания под стражей составила двадцать четыре месяца. До передачи российским властям 22 февраля 2013 года Г. уже провел восемнадцать месяцев и четырнадцать дней под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве. Установив, что максимальная продолжительность содержания Р. под стражей на время предварительного следствия, то есть восемнадцать месяцев, была превышена, суд сослался на часть 11 статьи 109 УПК и указал, что этот срок мог быть продлен еще на шесть месяцев до достижения максимального срока двадцать четыре месяца и что после этого периода содержание Г. под стражей на время предварительного следствия больше не могло допускаться. Суд не указал дату начала шестимесячного срока, предусмотренного вышеуказанным положением. 8 июля 2013 года Санкт-Петербургский городской суд оставил это решение в силе по апелляции, подтвердив заключения суда первой инстанции.

61. Решением от 28 декабря 2016 года Московский городской суд продлил срок содержания под стражей З. на три месяца, то есть до 28 марта 2017 года, таким образом, общая продолжительность содержания под стражей соответствующего лица составила тридцать четыре месяца и шестнадцать дней. До передачи российским властям 30 апреля 2015 года Г. уже провел одиннадцать месяцев и шесть дней под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве. Из этого решения следует, что с 13 октября 2015 года срок содержания под стражей З. неоднократно продлевался на основании частей 7 и 8 статьи 108 УПК на время ознакомления с материалами дела. Вновь продлевая содержание З. под стражей по тому же основанию, суд учел период, проведенный З. под стражей с целью экстрадиции за границей, в соответствии с пунктом 4 части 10 статьи 109 УПК, для расчета общей продолжительности содержания его под стражей. Он не ссылаясь на часть 11 статьи 109 УПК и не указывая, включала ли в себя общая продолжительность содержания З. под стражей шесть дополнительных месяцев, предусмотренных этим положением.

62. Решением от 1 августа 2014 года Омский областной суд, заседавая в составе единоличного судьи, продлил срок содержания под стражей Д. на четыре месяца и двадцать пять дней. До передачи российским властям 27 июня 2014 года Д. уже провел семнадцать месяцев и шестнадцать дней под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве. Соответствующие настоящему делу части этого решения можно изложить следующим образом:

«В соответствии с частью 11 статьи 109 УПК по истечении предельного срока содержания под стражей в случаях, предусмотренных пунктом 4 части 10 статьи 109 УПК, и при необходимости производства предварительного расследования суд вправе продлить срок содержания [соответствующего] лица под стражей в порядке, установленном настоящей статьёй, но не более чем на шесть месяцев.

Следовательно, анализ вышеуказанных положений свидетельствует о том, что законодатель, разрешив продление срока содержания под стражей на дополнительные шесть месяцев, не связал его с моментом, в который был достигнут срок, предусмотренный частью 2 статьи 109 УПК. Суд считает, что определяющим элементом в этом контексте является утверждение об истечении максимальной продолжительности [содержания под стражей] (в данном случае, двенадцать месяцев) и дата передачи обвиняемого на территорию Российской Федерации. Предусмотренный частью 11 статьи 109 УПК период начинается с этой последней даты».

8 августа 2014 года областной суд г. Омска оставил данное решение без изменений в апелляционном порядке. Соответствующие настоящему делу части этого решения можно изложить следующим образом:

«Часть 11 статьи 109 УПК позволяет продлить срок содержания под стражей при соблюдении двух условий: [во-первых], истечение максимальной продолжительности досудебного содержания под стражей в случае, когда [соответствующее] лицо было лишено свободы на основании [ходатайства об экстрадиции], поданного органами власти Российской Федерации, и [во-вторых], необходимость производства предварительного следствия (...)

Продлив срок содержания под стражей Д. на четыре месяца и двадцать пять дней, суд с полным основанием счел, что закон позволяет продлить срок содержания под стражей на шесть месяцев, начиная с момента передачи [соответствующего] лица на территорию Российской Федерации. С учетом того, что Д. был передан в Россию 27 июня 2014 года, суд был прав, считая, что именно с этой даты его содержание под стражей могло быть продлено на шесть месяцев (...).

В противоположность утверждениям адвоката в апелляционном заявлении, нет никакой неопределенности относительно даты, в которую будет достигнута максимальной продолжительности досудебного содержания под стражей, [поскольку] она будет достигнута 27 декабря 2014 года».

63. Решением от 9 августа 2016 года Курганский областной суд продлил срок содержания под стражей С. под стражей на два месяца и десять дней, то есть до 25 октября 2016 года, то есть общая продолжительность содержания его под стражей составила девятнадцать месяцев и четырнадцать дней. До передачи российским властям 17 июня 2015 года С. уже провел три месяца и семь дней под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве. Областной суд не указал положение УПК, на основании которого С. содержался под стражей в период с 17 июня 2015 года по 9 августа 2016 года. Установив, что С. обвинялся в особо тяжком преступлении, он указал, что максимальная продолжительность содержания под стражей С., в данном случае восемнадцать месяцев, могла быть продлена на

дополнительный срок до шести месяцев в соответствии с частью 11 статьи 109 УПК. Однако областной суд не указал дату начала вышеуказанного шестимесячного срока.

64. Решением от 10 мая 2016 года Московский городской суд, заседав в составе единоличного судьи, продлил срок содержания под стражей К. под стражей на один месяц, то есть до 11 июня 2016 года, таким образом, общая продолжительность содержания его под стражей составила сорок шесть месяцев и двадцать пять дней. До передачи российским властям 5 февраля 2016 года С. уже провел сорок два месяца и двадцать дней под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве. Суд продлил содержание С. под стражей на основании частей 7 и 8 статьи 108 УПК (содержание под стражей на время ознакомления с материалами уголовного дела). Он указал, что материалы уголовного дела были переданы С. 22 апреля 2016 года, то есть более чем за тридцать дней до истечения максимального срока, в течение которого он мог содержаться под стражей, расчет которого производился с учетом части 11 статьи 109 УПК. Суд не указал дату, в которую начался шестимесячный срок, предусмотренный этим положением.

65. Решением от 2 ноября 2016 года Московский городской суд, заседав в составе единоличного судьи, продлил срок содержания под стражей А. на один месяц и двадцать три дня, то есть до 29 декабря 2016 года, таким образом, общая продолжительность его содержания под стражей составила восемнадцать месяцев. До передачи российским властям 22 апреля 2016 года А. уже провел десять месяцев и пять дней под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве.

ПРАВО

1. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1, 3 И 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

66. Заявитель жалуется на незаконность его содержания под стражей после его выдачи Российской Федерации, а также на отсутствие эффективного разбирательства по оспариванию законности его содержания под стражей. Кроме того, он заявляет, что его не препроводили к судье незамедлительно после его задержания и что продолжительность его содержания под стражей была неразумной. Он ссылается на пункты 1, 3 и 4 статьи 5 Конвенции, которые в частях, применимых к настоящему делу, гласят следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(...)

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;».

(...)

3. Каждое арестованное, в соответствии с положениями подпункта «с» пункта 1 данной статьи, лицо незамедлительно доставляется к судье или к другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может потребовать гарантию, обеспечивающую явку заинтересованного лица на судебное разбирательство.

4. Любое лицо, лишенное свободы в виде ареста или содержания под стражей, имеет право на обжалование в суде, который должен в кратчайшие сроки вынести решение о законности его содержания под стражей и постановление о его освобождении, если содержание под стражей является незаконным».

А. Что касается вопроса о «правомерности» содержания под стражей заявителя

1. Доводы сторон

а) Власти

67. Власти настаивают на том, что содержание под стражей заявителя 14 мая 2011 года было осуществлено на основании решения Верх-Исетского районного суда от 27 февраля 2007 года (см. пункт 9 выше). Они указывают, что двухмесячный период, на который содержание заявителя под стражей было разрешено решением, о котором идет речь, начался в дату пересечения заявителем российской границы в рамках процедуры его передачи российским властям. В этой связи они ссылаются на решение Верховного суда Российской Федерации (№18-Д13-104) от 18 сентября 2013 года, в соответствии с которым срок содержания под стражей лица, экстрадиция которого запрашивалась, предусмотренные статьей 109 УПК, начинался в дату передачи этого лица российским органам власти (см. пункт 58 выше).

68. Далее Власти указывают, что на момент экстрадиции заявителя в Россию общая продолжительность содержания его под стражей на территории иностранных государств до 14 мая 2011 года составляла шестнадцать месяцев и двадцать восемь дней. Они утверждают, что максимальная продолжительность содержания под стражей обвиняемого, как в случае заявителя, в тяжком преступлении по

смыслу статьи 15 УК РФ не могла превышать двенадцати месяцев в соответствии с частью 2 статьи 109 УПК, а также что в соответствии с пунктом 4 части 10 этой же статьи в целях расчета максимальной продолжительности содержания под стражей по смыслу этого положения должны были учитываться периоды содержания под стражей с целью экстрадиции на территории иностранных государств. В соответствии с утверждением Властей, в случае необходимости производства предварительного следствия часть 11 статьи 109 УПК позволяет национальным органам власти продлевать срок содержания под стражей лица на дополнительный максимальный срок не более шести месяцев. В подтверждение своего довода они предоставляют примеры решений национальных судов, которые показывают применение части 11 статьи 109 УПК на практике (см. пункты 59-65 выше).

69. Власти настаивают на том, что решением от 12 июля 2011 года областной суд применил это положение в отношении заявителя, продлив содержание его под стражей на дополнительные два месяца и два дня, то есть до 16 сентября 2011 года, а решением от 16 сентября 2011 года на дополнительные один месяц и двадцать восемь дней, то есть до 13 ноября 2011 года.

70. Далее Власти указывают, что в течение периода с 14 октября 2011 года по 16 июня 2012 год заявитель содержался под стражей на основании частей 7-8 статьи 109 УПК, чтобы его защита могла закончить ознакомление с материалами дела. Они добавляют, что после 25 мая 2012 года заявитель содержался под стражей на основании статьи 255 УПК на время судебного разбирательства по уголовному делу до вынесения ему приговора судом.

в) Заявитель

71. Заявитель утверждает, что срок содержания его под стражей превысил максимальный срок содержания под стражей на время предварительного следствия, установленный в части 2 статьи 109 УПК. Он оспаривает довод Властей, в соответствии с которым шестимесячный срок, предусмотренный частью 11 статьей 109 УПК, начался в дату его передачи российским властям, и утверждает, что этот срок должен был считаться со дня истечения двенадцатимесячного срока, предусмотренного частью 2 статьи 109 УПК. Следовательно, заявитель считает, что он не должен был содержаться под стражей после 16 июля 2011 года. Он утверждает, что статья 109 УПК не является достаточно точной и не удовлетворяет требованию качества «закона» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции, и что правоприменительная практика внутригосударственных судебных инстанций, представленная Властями, не позволяет восполнить существующие в этом вопросе

пробелы. По его мнению, в отсутствие полной прозрачности в вопросе расчета срока, предусмотренного частью 11 статьи 109 УПК, на момент продления срока содержания под стражей применение этого положения национальными судами не могло считаться предсказуемым. В этой связи заявитель указывает, что решение Верховного суда от 18 сентября 2013 года (см. пункт 58 выше) было принято только два года спустя после окончания его срока содержания под стражей и что оно не может учитываться в целях оценки «качества» статьи 109 УПК.

2. Мнение Суда

а) По вопросу приемлемости

72. Установив, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

б) По существу дела

73. Суд напоминает, что по вопросу «правомерности» содержания под стражей, в том числе, соблюдения «законных путей», Конвенция отсылает, в основном, к национальному законодательству. Во всех случаях она закрепляет обязательство соблюдать его материально-правовые нормы и процедурные нормы, но она, кроме того, требует соответствия любого лишения свободы целям статьи 5: защите лица от произвола (см., среди прочих, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции» (*Medvedyev et autres c. France*), жалоба №3394/03, пункт 79, CEDH 2010, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 22 октября 2018 года по делу «S., V., и A. против Дании» (*S., V. et A. c. Danemark*), жалоба №35553/12 и 2 других жалобы, пункт 74).

74. Обращаясь к фактам дела, Суд констатирует, что сторонами не оспаривалось, что 14 мая 2011 года заявитель был задержан, поскольку он подозревался в совершении правонарушения, в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Содержание заявителя под стражей в соответствии с этим положением закончилось 13 мая 2013 года, в дату осуждения заявителя судом первой инстанции (см. пункт 48 выше). Заявитель не оспаривал законность содержания его под стражей после осуждения. Суд, таким образом, рассмотрит вопрос о том, осуществлялось ли содержание заявителя под стражей с 14 мая 2011 года по 13 мая 2013 года «в порядке, установленном законом», в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

і. По вопросу законности содержания заявителя под стражей с 14 мая по 11 июля 2011 года

75. Суд отмечает, что государственные органы (см. пункт 22 выше), как и Власти в своих замечаниях, представленными Суду (см. пункт 67 выше), сочли, что помещение заявителя под стражу в момент его передачи российским властям было разрешено решением Верх-Исетского районного суда от 27 февраля 2007 года (см. пункт 9 выше).

76. Суд отмечает, что на момент передачи заявителя российским властям, то есть 14 мая 2011 года, заявитель уже провел шестнадцать месяцев и двадцать восемь дней под стражей с целью экстрадиции в Италии и Марокко, а также что в соответствии с пунктом 4 части 10 статьи 109 УПК этот срок должен был учитываться при расчете общей продолжительности содержания под стражей, разрешенной на основании части 2 статьи 109 УПК, что, кроме того, не оспаривается Властями (см. пункт 68 выше). Затем он отмечает, что на 14 мая 2011 года, дату заключения заявителя под стражу, максимальная продолжительность его содержания под стражей по смыслу части 2 статьи 109 УПК, то есть двенадцать месяцев, была превышена и что единственной возможной юридической основой для ее продления являлась часть 11 этой статьи (см. пункты 55–56 выше). Между тем, Суд отмечает, что решение Верх-Исетского районного суда от 27 февраля 2007 года было принято задолго до помещения заявителя под стражу с целью экстрадиции и что в связи с этим оно не содержало и логически не могло содержать никаких ссылок на часть 11 статьи 109 УПК. Таким образом, он считает, что решение Верх-Исетского районного суда от 27 февраля 2007 года не могло являться правовой основой для содержания под стражей заявителя после его передачи российским властям 14 мая 2011 года. Из этого следует, что на момент задержания и заключения заявителя под стражу на территории Российской Федерации не существовало никакого судебного решения, разрешающего, в соответствии с частью 11 статьи 109 УПК, содержания под стражей заявителя по истечении максимального двенадцатимесячного срока, предусмотренного частью 2 статьи 109 УПК.

77. Суд отмечает, что лишь 12 июля 2011 года срок содержания под стражей заявителя был впервые продлен на основании части 11 статьи 109 УПК (см. пункт 25 выше). Следует отметить, что в решении от 12 июля 2011 года национальный судья не указал дату, с которой начинался шестимесячный период, на который могло быть продлено содержание под стражей заявителя на основании этого положения. В любом случае, даже если предположить, что судья подразумевал, что этот период начался 14 мая 2011 года, Суд напоминает, что российским национальным законодательством не допускается вынесение решения, разрешающего *ex post facto* оставление лица под

стражей, и что, кроме того, оно было несовместимым с «правом на защиту» по смыслу статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 22 июля 2010 года по делу «Самошенков и Строков против России» (*Samoshenkov et Strokov c. Russie*), жалобы №№21731/03 и 1886/04, пункт 49).

78. Таким образом, Суд установил, что в течение периода с 14 мая по 11 июля 2011 года содержание заявителя под стражей проводилось не «в порядке, установленном законом» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

ii. По вопросу законности содержания заявителя под стражей в период с 12 июля по 13 ноября 2011 года

79. Суд отмечает, что позиции сторон расходятся в отношении расчета срока содержания под стражей, установленного частью 11 статьи 109 УПК: в то время как Власти утверждают, что он начался во время передачи заявителя российским властям, заявитель утверждает, что он начался сразу после истечения двенадцатимесячного периода, предусмотренного частью 2 статьи 109 УПК (см. пункты 67-68 и 71 выше). В обоснование своего довода Власти опираются на практику внутригосударственных судебных органов власти по данному вопросу (см. пункты постановления 58-65 выше). Заявитель, со своей стороны, утверждает, что эта правоприменительная практика возникла после событий по делу и не является доказательной.

80. Суд отмечает, что из примеров прецедентной практики, представленных Властями, следует, что часть 11 статьи 109 УПК применяется в двух вариантах: первый касается ситуации, при которой максимальная продолжительность досудебного содержания под стражей «на время расследования» по смыслу частей 2 и 3 указанной статьи была достигнута до передачи заинтересованного лица российским властям (решения, указанные в пунктах 60, 62, 64 выше), а второй касается ситуации, при которой вышеуказанная продолжительность была достигнута после того, как лицо было передано властям (решения, указанные в пунктах 59, 61, 63 и 65 выше). В данном деле, поскольку ситуация заявителя явно относится к первому варианту, Суд будет учитывать в целях своего анализа только первую группу решений, указанных в пунктах 60, 62, и 64 выше.

81. Далее он указывает, что довод Властей, касающийся толкования части 11 статьи 109 УПК в этой ситуации, подкрепляется решениями Омского областного суда от 1 и 8 августа 2014 года (см. пункт 62 выше). В самом деле, этот суд определенно указал, что если максимальная продолжительность досудебного содержания под стражей «на время проведения следствия» по смыслу части 2 статьи 109 УПК была достигнута до даты передачи соответствующего лица российским властям, дополнительные шесть месяцев,

предусмотренные частью 11 статьи 109 УПК, должны считаться с даты указанной передачи. Хотя решения от 6 июня 2013 года и от 10 мая 2016 года (см. пункты 60 и 64 соответственно) не являются такими же определенными в этом вопросе, из них следует, что на практике содержание под стражей - на основании части 11 статьи 109 УПК - лиц, экстрадированных в Россию, не превысило шести месяцев, предусмотренных этим положением, после соответствующих дат их передачи российским властям (содержание под стражей Г., экстрадированного 22 февраля 2013 года, было продлено до 8 августа 2013 года, содержание под стражей К., экстрадированного 5 февраля 2016 года, было продлено до 22 апреля 2016 года на этом основании, а затем осуществлялось на другом правовом основании, в частности, «на время ознакомления с материалами дела»).

82. Действительно, как было указано заявителем, решения, на которые ссылаются Власти, были приняты после событий настоящего дела. В Суде не указывалось, что случай заявителя являлся первым вариантом применения части 11 статьи 109 УПК на практике. Однако, даже если предположить, что это так, Суд напоминает, что новый, с точки зрения, в частности, правоприменительной практики, характер поставленного правового вопроса сам по себе не нарушает требований приемлемости и прогнозируемости закона, поскольку принятое решение являлось одним из возможных и обоснованно прогнозируемых толкований (см., с необходимыми изменениями, постановление Европейского Суда от 1 сентября 2016 года по делу «X. и Y. против Франции» (*X et Y c. France*), жалоба №48158/11, пункт 61). В данном деле расчет шестимесячного срока по смыслу части 11 статьи 109 УПК с момента передачи экстрадированного лица российским органам власти, по-видимому, не был произвольным. В самом деле, государственные органы могут быть законным образом заинтересованы в продлении срока содержания под стражей в случае необходимости производства предварительного следствия, с учетом, в частности, того факта, что периоды, проведенные соответствующим лицом под стражей с целью экстрадиции в иностранном государстве, не контролируются национальными органами власти. Сведения, которыми располагает Суд, не выявляют никаких противоречий в практике российских судов после случая заявителя (см., в *противоположность*, постановление Европейского суда от 13 ноября 2018 года по делу «Личауэр против Республики Молдовы» (*Litschauer c. République de Moldova*), жалоба №25092/15, пункт 35). С другой стороны, толкование, предлагаемое заявителем, кажется неразумным: в случае, если бы он провел более восемнадцати месяцев под стражей с целью экстрадиции, применение части 11 статьи 109 УПК в его отношении было бы невозможным, что противоречит формулировке этого положения. Следовательно, Суд принимает довод Властей,

касающийся расчета срока, предусмотренного частью 11 статьи 109 УПК.

83. Суд отмечает, что заявитель был передан российским властям 14 мая 2011 года и что его содержание под стражей, таким образом, могло быть продлено на основании части 11 статьи 109 УПК на срок не более шести месяцев, то есть до 14 ноября 2011 года. Он устанавливает, что в своих решениях от 12 июля и от 15 сентября 2011 года областной суд ссылаясь на часть 11 статьи 109 УПК для продления срока содержания под стражей заявителя до 16 сентября и до 13 ноября 2011 года соответственно (см. пункты 25 и 28 выше). К сожалению, дата, с которой должен был считаться предусматриваемый частью 11 статьи 109 УПК срок, не была определенно установлена в вышеуказанных решениях, но, тем не менее, период содержания заявителя под стражей на основании этой статьи не превысил установленный в ней шестимесячный предел. Продлевая срок содержания под стражей заявителя, областной суд обосновывал свои решения и каждый раз назначал точную предельную дату для каждого периода (см., в этом смысле, упоминавшееся выше постановление по делу «Федоренко против России», пункты 52-57). Из этого следует, что содержание заявителя под стражей с 12 июля по 13 ноября 2011 года происходило «в порядке, установленном законом» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

iii. По вопросу законности содержания заявителя под стражей с 14 ноября 2011 года по 13 июня 2012 года

84. Суд отмечает, что решением от 14 октября 2011 года областной суд продлил срок содержания под стражей заявителя до 16 июня 2012 года. Он сослался на части 7-8 статьи 109 УПК, которые позволяют осуществлять содержание под стражей заключенного «на время ознакомления с материалами уголовного дела» (см. пункт 30 выше).

85. Суд уже рассматривал ситуации, в которых содержание под стражей заявителей несколько раз продлевалось на основании этого положения (см. постановление Европейского Суда от 3 марта 2011 года по делу «Царенко против России» (*Tsarenko c. Russie*), жалоба №5235/09, пункты 59-63, постановление Европейского Суда от 29 мая 2012 года по делу «Суслов против России» (*Suslov c. Russie*), жалоба №2366/07, пункты 75-79, упоминавшееся выше постановление Европейского Суда «Пятков против России», пункты 86-91, и постановление Европейского Суда от 15 января 2015 года по делу «Юрий Рудаков против России» (*Yuriy Rudakov c. Russie*), жалоба №48982/08, пункты 59-65). В этих делах он пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку, по его мнению, части 4-8 статьи 109 УПК определенно не предусматривали возможность неоднократного продления срока содержания под

стражей в целях ознакомления с материалами уголовного дела. С другой стороны, Суд не считал несовместимым с Конвенцией возможность однократного продления срока содержания под стражей на основании этого положения УПК (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Царенко против России», пункт 57 *в конце*, и упоминавшееся выше постановление по делу «Юрий Рудаков против России», пункты 63 и 65 *в конце*).

86. В данном деле Суд отмечает, что имело место лишь одно продление срока содержания под стражей заявителя на основании частей 7-8 статьи 109 УПК. Назначая эту меру, областной суд обосновал свое решение и назначил точную дату окончания этого периода содержания под стражей (см. в этом смысле упоминавшееся выше постановление по делу «Федоренко против России», пункты 52-57). Он также отмечает, что с 14 июня 2012 года областной суд изменил юридическую основу содержания заявителя под стражей, которое было продлено «на время рассмотрения судом» уголовного дела в соответствии со статьей 255 УПК (см. пункт 87 ниже). С учетом вышеуказанного Суд, таким образом, считает, что содержание заявителя под стражей с 14 октября 2011 года по 13 июня 2012 года происходило «в порядке, установленном законом» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

iv. По вопросу законности содержания заявителя под стражей с 14 июня по 28 ноября и с 29 ноября по 4 декабря 2012 года, а также с 5 декабря 2012 года по 13 мая 2013 года

87. Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей с 14 июня по 28 ноября 2012 года и с 5 декабря 2012 года по 13 мая 2013 года было разрешено решениями суда от 14 июня и 4 декабря 2012 года и от 20 февраля 2013 года (см. пункты 34, 39 и 45 выше). Все эти решения основывались на статье 255 УПК, и в них указывалась точная предельная дата для каждого периода содержания под стражей и основания для их принятия. Суд, таким образом, считает, что содержание под стражей заявителя в ходе указанных периодов осуществлялось «в порядке, установленном законом» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Пятков против России», пункты 92-98).

88. Что касается периода с 29 ноября по 4 декабря 2012 года, Суд отмечает, что решение от 29 ноября 2012 года было отменено 4 декабря 2012 года на том основании, что оно противоречило части 13 статьи 109 УПК, которая требовала присутствия обвиняемого на заседании по вопросу оставления его под стражей (см. пункты 36 и 38 выше). Хотя законность содержания заявителя под стражей с 29 ноября по 4 декабря 2012 года пересматривалась *a posteriori* в решении от 13 февраля 2013 года (см. пункт 42 выше), Суд напоминает, что

решение, разрешающее *ex post facto* оставление лица под стражей, не допускалось российским внутригосударственным правом (см. пункт 77 выше).

89. С учетом вышеуказанного Суд считает, что содержание заявителя под стражей с 29 ноября по 4 декабря 2012 года не было «правомерным» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

v. Заключение по вопросу законности содержания под стражей заявителя

90. Суд пришел к выводу о том, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в том, что касается содержания заявителя под стражей с 14 мая по 11 июля 2011 года и с 29 ноября по 4 декабря 2012 года, и что не было допущено нарушения этого положения в отношении периодов содержания заявителя под стражей с 12 июля 2011 года по 28 ноября 2012 года и с 5 декабря 2012 года по 13 мая 2013 года.

В. По вопросу о том, был ли заявитель незамедлительно препровожден к судье или другому представителю судебной власти, законным образом уполномоченному исполнять судебные функции

1. Доводы сторон

а) Власти

91. Власти указывают, что помещение заявителя под стражу 14 мая 2011 года было осуществлено на основании решения Верх-Исетского районного суда от 27 февраля 2007 года (см. пункт 9 выше). Они уточняют, что это решение было принято в отсутствие заявителя, поскольку он на тот момент был объявлен в розыск (см. пункт 8 выше). Поскольку интересы заявителя представлял адвокат, который смог опротестовать оспариваемое решение в суде апелляционной инстанции, Власти считают, что заявитель имел доступ к суду.

б) Заявитель

92. Заявитель настаивает на своей жалобе. Он добавляет, что после его передачи российским властям 14 мая 2011 года он смог лично предстать перед судьей только 15 сентября 2011 года, то есть через четыре месяца после его задержания и помещения под стражу в России, при этом заседание 12 июля 2011 года по вопросу о необходимости оставления его под стражей было проведено в его отсутствие (см. пункт 25 выше). Ссылаясь на постановление Европейского Суда от 7 июня 2007 года по делу «Гарабаев против России» (*Garabaïev c. Russie*) (жалоба №38411/02, пункт 100), он

указывает, что этот срок не был совместим с требованием пункта 3 статьи 5 Конвенции.

2. Мнение Суда

а) По вопросу приемлемости

93. Установив, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

б) По существу дела

94. Суд напоминает, что пункт 3 статьи 5 Конвенции имеет целью обеспечение того, чтобы задержанное лицо было незамедлительно «физически доставлено» в орган судебной власти, поскольку такой «незамедлительный и автоматический судебный контроль» обеспечивает также защиту от произвола, тайных задержаний и ненадлежащего обращения (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Медведев и другие против России», пункт 118). Этот пункт структурно рассматривает два различных аспекта: первые часы после задержания, момент, когда лицо оказывается в руках властей, и период до предполагаемого разбирательства в уголовном суде, в течение которого подозреваемый может содержаться под стражей или выйти на свободу на определенных условиях либо без таковых. Эти два аспекта предоставляют различные права и, по-видимому, не имеют никакой логической или временной связи (*там же*, пункт 119).

95. Судебное разбирательство должно, прежде всего, отвечать требованию «быстроты», поскольку оно имеет целью содействие выявлению случаев ненадлежащего обращения и сведение к минимуму необоснованного вмешательства в личную свободу (*там же*, пункт 121). Кроме «исключительных обстоятельств» (*там же*, пункт 130), оно должно проводиться в максимальный четырехдневный срок после задержания (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «МакКей против Соединенного Королевства» (*McKay c. Royaume-Uni*), жалоба №543/03, пункт 47, CEDH 2006-X, постановление Европейского Суда от 4 октября 2007 года по делу «Нэстасе-Сильвестру против Румынии» (*Năstase-Silivestru c. Roumanie*), жалоба №74785/01, пункт 32, и постановление Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Али Саматар и другие против Франции» (*Ali Samatar et autres c. France*), жалобы №№17110/10 и 17301/10, пункт 45).

96. Обращаясь к фактам дела, Суд констатирует, что сторонами не оспаривалось, что заявитель был задержан 14 мая 2011 года, поскольку он подозревался в совершении правонарушения, в соответствии с

подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Следовательно, в данном деле применяется первый аспект пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 31 января 2017 года по делу «Вахитов против России» (*Vakhitov et autres c. Russie*), жалоба № 18232/11 и 2 другие жалобы, пункт 52).

97. Далее Суд отмечает, что после передачи российским властям 14 мая 2011 года заявитель был заключен под стражу (см. пункт 17 выше). Он подчеркивает, что Власти настаивают на том, что избрание меры пресечения в виде содержания под стражей было осуществлено на основании решения Верх-Исетского районного суда от 27 февраля 2007 года (см. пункт 91 выше). В этой связи он напоминает, что принятие судебного решения, разрешающего заочно поместить под стражу лицо, находящееся в розыске, само по себе является несовместимым с положениями Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Вахитов и другие против России» (пункт 51). При этом с первых часов после задержания, с момента, когда лицо оказывается под контролем государства, оно должно быть незамедлительно «физически доставлено» к представителю судебной власти (*там же*). Между тем, Суд указывает, что первый личный допрос заявителя в суде состоялся лишь 15 сентября 2011 года (см. пункт 28 выше), то есть через четыре месяца после задержания.

98. В этом контексте он отмечает, что 12 июля 2011 года Свердловский областной суд, заседаая в составе единоличного судьи, рассмотрел необходимость оставления заявителя под стражей. Судья счел, что можно было провести заседание в отсутствие заявителя, поскольку он находился на тот момент в больнице, где в его отношении проводилась психиатрическая экспертиза (см. пункт 25 выше). Суд, однако, не убежден, что состояние заявителя лишало его возможности участвовать в судебном заседании с целью быть заслушанным и допрошенным судьей, тем более что речь шла о свободе заявителя (см., с необходимыми изменениями, постановление Европейского Суда по делу «Штукатуров против России» (*Chtoukatourov c. Russie*), жалоба №44009/05, пункт 73, CEDH 2008). Кроме того, национальный судья не придал значения тому факту, что в момент проведения заседания 12 июля 2011 заявитель был лишен свободы уже пятьдесят восемь дней, при этом он так и не предстал перед судом лично.

99. Суд отмечает, что Власти не предоставили ни одного довода в обоснование четырехмесячного срока, прошедшего с момента задержания заявителя до его первого появления в суде, при том, что этот срок был очень длинным с точки зрения его правоприменительной практики (см., в качестве примера, постановление Европейского Суда от 6 ноября 2008 года по делу «Канджов против Болгарии» (*Kandjov c. Bulgarie*), жалоба №68294/01

(три дня и двадцать три часа), постановление Европейского Суда от 3 февраля 2009 года по делу «Ипек и другие против Турции» (*Ipek et autres c. Turquie*), жалобы №№17019/02 и 30070/02 (три дня и девять часов), и постановление Европейского Суда года по делу «Гуцановы против Болгарии» (*Gutsanovi c. Bulgarie*), жалоба №34529/10, CEDH 2013 (извлечения), (три дня, пять часов и тридцать минут)). С учетом вышеуказанного, Суд считает, что государство не выполнило своего обязательства «незамедлительно» препроводить заявителя к судье, уполномоченному контролировать законность его содержания под стражей.

100. Следовательно, было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в его первом аспекте.

В. По вопросу, было ли соблюдено право заявителя на осуждение в разумный срок или освобождение в ходе производства

1. Доводы сторон

101. Власти утверждают, что срок содержания под стражей заявителя был разумным. Они утверждают, что национальные суды надлежащим образом учли соответствующие настоящему делу данные: серьезность обвинений в отношении заявителя, его личность и его поведение до и после применения оспариваемой меры, в частности, его попытки уклониться от преследования по уголовному делу.

102. Заявитель настаивает на своей жалобе.

2. Мнение Суда

а) По вопросу приемлемости

103. Установив, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

б) По существу дела

104. Суд отмечает, что содержание под стражей заявителя продлилось с 14 мая 2011 года по 13 мая 2013 года, дня, когда заявитель был осужден судом первой инстанции. Таким образом, общий срок содержания заявителя под стражей в смысле пункта 3 статьи 5 Конвенции составил два года. Учитывая существенную продолжительность данного периода и презумпцию в пользу освобождения, Суд считает, что национальные суды должны были сослаться на убедительные основания для продления содержания

заявителя под стражей (см. постановление Европейского Суда от 30 января 2018 года по делу «Степан Зимин против России» (*Stepan Zimin c. Russie*), жалобы №№ 63686/13, 60894/14, пункт 55).

105. В данном деле Суд устанавливает, что все решения, продлевающие срок содержания под стражей заявителя, основывались в основном на степени тяжести предъявляемых ему обвинений и на риске его побега (см. пункты 25, 28, 30, 34, 39 и 45 выше).

106. Суд напоминает, что сама по себе степень тяжести обвинений не может более являться причиной продления срока содержания под стражей на более позднем этапе разбирательства (см. постановление Европейского Суда от 17 июля 2007 года по делу «Кучера против Словакии» (*Kučera c. Slovaquie*), жалоба №48666/99, пункт 95). В данном деле он считает, что это основание не могло являться достаточным после окончания предварительного следствия и направления дела в суд (см. пункт 33 выше).

107. Что касается риска уклонения заявителя от правосудия, Суд готов признать, что национальные суды имели в распоряжении сведения, которые говорили о существовании такого риска. В самом деле, заявитель не соблюдал обязательство не покидать страну, возложенное итальянскими органами власти, во время процедуры его экстрадиции (см. пункт 14 выше). Однако Суд не убежден, что такой риск сохранялся в течение всего производства и, в частности, после направления уголовного дела в суд. Хотя опасность побега неизбежно снижается со временем, национальные суды опирались главным образом на это основание в течение всего периода содержания заявителя под стражей, не учитывая ход дела (см. постановление Европейского Суда от 25 октября 2007 года по делу «Коршунов против России» (*Korchounov c. Russie*), жалоба №38971/06, пункт 48). Он отмечает также, что национальные суды не попытались установить, могла ли иная мера пресечения заменить содержание под стражей (см. постановление Европейского Суда от 24 марта 2016 года по делу «Жеребин против России» (*Zherebin c. Russie*), жалоба № 51445/09, пункт 59, и постановление Европейского Суда от 12 марта 2009 года по делу «Александр Макаров против России» (*Aleksandr Makarov c. Russie*), жалоба №15217/07, пункты 138-139).

108. С учетом вышеизложенного, Суд счел, что с 25 мая 2012 года, опираясь главным образом и систематически на степень тяжести обвинений в отношении заявителя, а также на риск его побега, органы власти удерживали заявителя под стражей на основаниях, которые не могли считаться «достаточными» для обоснования продолжительности такого содержания под стражей (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Юрий Рудаков против России», пункт 80).

109. В таких обстоятельствах нет необходимости дополнительно исследовать вопрос, было ли национальными компетентными

органами власти надлежащим образом проявлено «особое усердие» в дальнейшем производстве. Следовательно, было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Д. По вопросу о том, было ли соблюдено право заявителя на обжалование в суде, который должен в кратчайшие сроки вынести решение о законности его содержания под стражей

1. Доводы сторон

110. Власти утверждают, что как решение Верх-Исетского районного суда от 28 июня 2011 года, так и решение областного суда от 22 июля 2011 года были надлежащим образом обоснованы в отношении отклонения жалобы заявителя, касающейся незаконности его содержания под стражей после передачи его российским властям.

111. Заявитель настаивает на своей жалобе и утверждает, что отказ национальных судов рассмотреть по существу жалобу, поданную его адвокатом 16 июня 2011 года, противоречил пункту 4 статьи 5 Конвенции.

2. Мнение Суда

а) По вопросу приемлемости

112. Установив, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

б) По существу дела

113. Суд напоминает, что согласно пункту 4 статьи 5 Конвенции каждый, кто лишен свободы в результате заключения под стражу, имеет право на осуществление судом контроля за соблюдением необходимых процессуальных требований и обеспечением «законности», в соответствии с Конвенцией, лишения их свободы. Пункт 4 статьи 5 Конвенции не гарантирует право на судебный контроль настолько широко, чтобы суд имел право по всем аспектам дела, включая вопросы чистой целесообразности, подменять усмотрение соответствующего уполномоченного органа власти своим собственным усмотрением. Тем не менее, судебный контроль должен быть достаточно широким, чтобы выносить решение о соблюдении тех условий, которые являются необходимыми для законного содержания под стражей лица в соответствии с пунктом 1 этого положения Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по

делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. et autres c. Royaume-Uni*), жалоба №3455/05, пункт 202, CEDH 2009).

114. В данном деле Суд отмечает, что в своей жалобе от 16 июня 2011 адвокат заявителя оспорила, среди прочего, законность помещения заявителя под стражу (см. пункт 21 выше). Однако национальные суды отказались рассматривать эту жалобу по существу на том основании, что указанное содержание под стражей было законным образом разрешено решением Верх-Исетского районного суда от 27 февраля 2007 года (см. пункты 22-23 выше). Между тем, Суд напоминает, что он уже установил, что соответствующее решение не могло являться правовой основой для содержания заявителя под стражей после 14 мая 2011 года по смыслу национального законодательства (см. пункт 76 выше). Далее, он отмечает, что первое рассмотрение законности содержания заявителя под стражей после его экстрадиции 14 мая 2011 года состоялось лишь 12 июля 2011 года (см. пункт 25 выше). Из этого следует, что заявитель не имел доступа к суду, который предположительно вынес решение о законности его содержания под стражей в период с 14 мая по 11 июля 2011 года.

115. Следовательно, было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

116. Заявитель утверждает, что использование терминов «мошенник», «преступник» и «основатель финансовых пирамид» в заявлениях представителей Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Уральскому федеральному округу нарушило презумпцию невиновности. Он ссылается на пункт 2 статьи 6 Конвенции, который гласит:

«Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком».

1. Доводы сторон

117. Власти настаивают на том, что судебное преследование по уголовному делу в отношении заявителя окончилось приговором от 13 мая 2013 года. По их мнению, национальные суды пришли к выводу о виновности заявителя на основании доказательств, рассмотренных в состязательном процессе, в ходе которого защита могла осуществлять свои права. Следовательно, они утверждают, что принцип презумпции невиновности в отношении заявителя был соблюден.

118. Заявитель настаивает на своей жалобе.

2. Мнение Суда

а) По вопросу приемлемости

119. Суд констатирует, что официальные сообщения в прессе от 5 и 6 августа и 12 октября 2009 года, а также от 8 января 2010 года были опубликованы более чем за шесть месяцев до подачи этой жалобы. Следовательно, данная часть жалобы была подана с опозданием и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

120. Установив затем, что эта жалоба в части, касающейся официального сообщения в прессе от 16 мая 2011 года, а также пресс-конференции 25 июля 2012 года, не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

б) По существу дела

121. Суд напоминает, что пункт 2 статьи 6 Конвенции защищает право любого человека «считаться невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком» (см., среди прочих, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 12 июля 2013 года по делу «Аллен против Соединенного Королевства» (*Allen c. Royaume-Uni*), жалоба №25424/09, пункт 93). Если пункт 2 статьи 6 не препятствует органам государственной власти в информировании общественности о проводящихся расследованиях по уголовным делам, он, тем не менее, требует, чтобы они делали это со всей корректностью и со всеми оговорками, необходимыми для соблюдения принципа презумпции невиновности (см. постановление Европейского Суда от 10 февраля 1995 года по делу «Аллене де Рибемон против Франции» (*Alletet de Ribemont c. France*), пункт 38, серия А №308).

122. В данном деле Суд отмечает, что, информируя общественность о судебном преследовании по уголовному делу в отношении заявителя, обвиняемого в мошенничестве в крупном размере, представители Управления по Уральскому федеральному округу неоднократно использовали слова «мошенник», «преступник» и «основатель финансовых пирамид» для характеристики заявителя (см. пункты 50-51 выше). Суд считает, что использование без нюансов и оговорок этих характеристик в отношении заявителя могло побудить общественность поверить в его вину и что оно предрешило оценку обстоятельств дела компетентными судьями в нарушение принципа презумпции невиновности (см. постановление Европейского Суда от 23 июля 2013 года по делу «Юрфи Четинкая против Турции» (*Ürfi Çetinkaya c. Turquie*), жалоба №19866/04, пункты 132-151, и

постановление Европейского Суда от 6 ноября 2012 года по делу «Максим Петров против России» (*Maksim Petrov c. Russie*), жалоба №23185/03, пункты 102-107).

123. Что касается довода Властей о том, что заявитель был осужден за преступление, за которое он преследовался (см. пункт 117 выше), Суд отмечает, что для заявителя тот факт, что он был в конечном итоге признан виновным и приговорен к тюремному заключению, не может лишить его изначального права считаться невиновным, пока его вина не установлена в соответствии с законом. Он говорит о том, что он неоднократно напоминал, что пункт 2 статьи 6 Конвенции регулирует весь уголовный процесс, «независимо от результата судебного преследования» (см. постановление Европейского Суда от 25 марта 1983 года по делу «Минелли против Швейцарии» (*Minelli c. Suisse*), пункт 30, серия А №62, и постановление Европейского Суда по делу «Матияшевич против Сербии» (*Matijašević c. Serbie*), жалоба №23037/04, пункт 49, CEDH 2006-X).

124. Данные факторы являются достаточными для Суда, чтобы он пришел к выводу о нарушении пункта 2 статьи 6 Конвенции.

III. О ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

125. Статья 41 Конвенции гласит следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

126. Заявитель требует 50 000 евро в качестве возмещения неимущественного вреда, который, по его мнению, был ему причинен. Кроме того, он требует 263 749 320 российских рублей в качестве компенсации имущественного ущерба, который, по его мнению, был ему причинен в связи с потерей заработной платы в связи с фактом его содержания под стражей.

127. Власти считают, что если Суд придет к установлению нарушения Конвенции в данном деле, сумма справедливой компенсации должна быть установлена в соответствии с его прецедентной практикой.

128. Что касается требований заявителя, касающихся предполагаемой потери доходов в связи с фактом его содержания под стражей, Суд не усматривает причинной связи между нарушением пунктов 1, 3 и 4 статьи 5 Конвенции и заявленными суммами (см.

постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» (*Nikolova c. Bulgarie*), жалоба №31195/96, пункт 73, CEDH 1999-II). На этом основании требования заявителя подлежат отклонению по этому пункту. Однако он считает, что имеются основания выплатить ему сумму в размере 9 750 евро в качестве компенсации неимущественного вреда.

В. Расходы и издержки

129. Заявитель также требует 27 800 евро в качестве компенсации расходов и издержек, предположительно понесенных им в ходе разбирательства в Суде.

130. Власти не высказали мнения по данному пункту.

131. Суд, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и свою прецедентную практику, считает разумным присудить заявителю сумму в размере 7 500 евро в качестве компенсации всех расходов.

В. Проценты за просроченный платеж

132. Суд считает целесообразным установить процентную ставку за просрочку платежей в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил* приемлемой часть жалобы, касающуюся жалоб по пунктам 1, 3 и 4 статьи 5 Конвенции, а также жалобы по пункту 2 статьи 6 Конвенции в отношении заявлений представителей Государства, сделанных в официальном сообщении от 16 мая 2011 года, а также в ходе пресс-конференции от 25 июля 2012 года, а оставшуюся часть жалобы неприемлемой;
2. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания под стражей заявителя с 14 мая по 11 июля 2011 года и с 29 ноября по 4 декабря 2012 года;
3. *постановил*, что не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания под стражей заявителя с 12 июля 2011 года по 28 ноября 2012 года и с 5 декабря 2012 года по 13 мая 2013 года;

4. *постановил*, что было допущено нарушение пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции;
5. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции;
6. *постановил*:
 - а) что в течение трех месяцев Государство-ответчик обязано выплатить заявителю следующие суммы в пересчете на национальную валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты:
 - i. 9 750 евро (девять тысяч семьсот пятьдесят евро), а также любую сумму налога, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации неимущественного вреда;
 - ii. 7 500 евро (семь тысяч пятьсот евро) плюс любые налоги, подлежащие выплате заявителем с этой суммы, в качестве компенсации расходов и издержек;
 - б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока до момента фактической выплаты на эти суммы будут начисляться простые проценты, равные предельной учетной ставке Европейского центрального банка, действующей на данный период, плюс три процентных пункта;
7. *отклонил* остальные требования о справедливой компенсации.

Совершено на французском языке, и письменное уведомление о постановлении направлено 9 июля 2019 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель секретаря секции

Алина Полачкова
Председатель